

СЫГРАТЬ НА СЦЕНЕ СУДЬБУ

Что-то ты неважно выглядишь. Правда, сегодня был трудный спектакль — «Золотой мальчик». Быть Томом Моуди всегда нелегко. И еще эта щетина. Как «Золотой мальчик» — так щетина. Зато сам придумал. И, кажется, неплохо. Моуди ведь не до внешности шика. Для него это пройденный этап. Да, пройденный этап для этого столетнего жизнью человека. Ну и как ты его сыграл? Сумел ли показать на сцене сложную человеческую судьбу? Попробуем, Вячеслав Иванович, оценить твою работу в процентах. Примем сто — за недостижимое, за бесконечность. Что ж, процентов пятьдесят можно дать. Может, еще двадцать — тридцать накинём? Это было бы хорошо, почти отлично. Нет, пожалуй, не потянет. Чего-то не хватает. Поэтому, наверное, и нет полного удовлетворения. А вот роль Чешкова была, пожалуй, на все восемьдесят процентов, а таких немного. Хотя... Нет, все-таки немного, Вячеслав Иванович, немного.

...Я стою в темноте на аэродроме. Свет фиксирует на несколько секунд лицо и сразу же появляются люди. Они ставят стулья, рассаживаются. Зрительный зал включается в действие: актеры на сцене и зрители присутствуют на планерке. Я размашисто пишу мелом на доске цифру — убытки за квартал. И бросаю обвинение прямо в зал...

Публицистичность, злободневность. Наверное, поэтому за «Человека со стороны» так ухватились во многих театрах. А доведись тебе сейчас сыграть Чешкова? Ничего бы ты не изменил в нем? Наверное бы, изменил. Вернее, постарался бы сделать роль филиграннее. Не такой графической, что ли.

Сверхзадача для актера — сыграть на сцене человеческую судьбу, а не текст, как зачастую это еще бывает в театрах. Текст зритель

и так поймет. А вот покажи, как понимаешь ты этот текст, какой опыт из него извлекаешь и можешь ли ты этот опыт, этот эмоциональный настрой передать зрителю, — вот тут уже можно говорить о том, какой ты актер.

А какой актер ты, Вячеслав Иванович Дмитриев? Во многих театрах артисты страдают от того, что нет хороших ролей или вообще подолгу не играют. Ты от этого не страдал. Играл и Глумова в комедии Островского, и тургеневского Раkitина в «Мессяце в деревне», и Ромашова в «Поездике» Куприна, и еще много других ролей ты сыграл. Даже Бабу-Ягу. А что? И эта роль была трудной: проверка твоих актерских технических навыков.

А помнишь, как с самоуверенностью и одновременно, робостью актера начинающего сыграл роль Дзержинского? В спектакле был эпизод, когда Дзержинскому связывали красный пионерский галстук. Как хотелось показать его не «железным Феликсом», а непривычно-размягченным и по-человечески очень близким. И как хотелось этот образ, образ Дзержинского в пионерском галстук, про-

нести через весь спектакль...

Да, сыграно много ролей. Но ответить на вопрос «Какой ты актер?» по-прежнему трудно. И как тут ответитьшь наверняка! Вот то, что играешь по восемь ролей за театральный сезон, — это ты можешь сказать наверняка. Практически каждый месяц — новая роль. Репетиции, спектакли, опять репетиции, выездные спектакли, гастроли. Честно говоря, выматываешься. Иногда кажется — все. Предел. Лучше, чем ты сделал, уже не сможешь. И еще. Мало, до обидного мало живут у нас спектакли...

Что-то ты сегодня мрачного настроения. Ах да, сегодня был Том Моуди. Просто ты еще не «вышел» из него, из этого антрепренера без будущего...

Шикарная жизнь все-таки у рыбьего мира. Плавают себе во всех восьми аквариумах. Ни о чем не думают. И даже на меня, своего хозяина и кормильца, — абсолютный ноль внимания. «Хорошо помолчать с рыбами». Здорово сказано. Откуда это? Ну, конечно, из «Врагов». Вот, одна рыба — «плюх». Потом другая взмывает вверх. Чувствуешь, как расслабляешься, как приходит спо-

койствие. Даже усталость куда-то пропадает...

Нет, мой дорогой Вячеслав Иванович, и у тебя были прекрасные минуты! Когда на сцене ты говорил а сам чувствовал, всеми клеточками чувствовал, что зрительный зал тебя напряженно слушает, что там — тишина. И ты еще сыграешь так, чтобы все время слушать на сцене эту великодушную тишину зала.

Одного я все-таки не пойму. Как это ты, Вячеслав Иванович Дмитриев, пятнадцать лет назад набрался, скажем откровенно, храбрости, чтобы прийти к режиссеру Архангельского театра, заслуженному деятелю искусств РСФСР Николаю Александровичу Смирнову, прийти и сказать: «Хочу быть артистом». И ведь он тебя не выгнал тогда, а просто изумился: «Куда же, дорогуща, я тебя возьму?! Вакансий нет». А ты как ему ответил? Ну-ка, ну-ка: «А электрик, машинист сцены или еще там кто-нибудь нужен?» — вот как ты ему ответил. И он тебя взял. Рабочим сцены. А потом дал сыграть в эпитафее...

Т. ЛЕБЕДЕВА.

НА СНИМКЕ: В. И. Дмитриев.

Фото Э. Зеленина.

